

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 92–103.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 92-103.

Научная статья

УДК 82.091

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ М.В. ЛОМОНОСОВА, А.С. ПУШКИНА И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Илья Юрьевич Роготнев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
rogotnev05@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе литературные произведения М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова рассматриваются как высказывания политико-богословского характера. Понятие «политическая теология» интерпретируется в рамках традиции, заложенной текстами К. Шмитта, – как открытая проблема, в свете которой политические феномены обнаруживают религиозные импликации. Показано, что политическая теология Ломоносова, Пушкина и Салтыкова разворачивается в поле вопросов, которые были поставлены Томасом Гоббсом в трактате «Левиафан». Ломоносовские духовные и панегирические тексты конструируют абсолютистскую парадигму, в которой условием блага и порядка является не только признание политического суверена, но и трепет перед божественной властью. Пушкин в «Медном всаднике» обращается к темной, inferнальной изнанке государственного порядка. Салтыков-Щедрин реализует большой комплекс мотивов политической философии, делая их теологическим основанием образ антихриста. В произведениях русских писателей мощь власти обрушивается на своевольный разум подданного, спасает людей от их собственного неразумия. Архетипической фигурой суверена неизменно предстает в русской политической теологии Петр Великий. Ломоносов, Пушкин и Салтыков актуализируют богословский аспект в идеологической проблематике «Левиафана». При этом если Ломоносов устанавливает взаимодействие суверена как земного бога с Богом Всевышним, то Пушкин мыслит власть мирскую в конфликте с Богом-Творцом, а Салтыков делает земного царя представителем сатаны. От Ломоносова к Салтыкову усиливается не только inferнальный характер Левиафана-государства, но и когнитивные недостатки подданного, компенсировать которые призвана конструкция абсолютной власти. Политические теологии русских авторов рассматриваются в статье не как динамические моменты эволюции русской политической мысли, но как различные варианты реализации политико-теологической темы, заданные структурой гоббсианской идеологической проблематики.

Ключевые слова: политическая теология, «Левиафан», Книга Иова, идеологическая проблематика, русская литература, власть.

Для цитирования: Роготнев И.Ю. Политическая теология в текстах М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 92–103.

Original article

POLITICAL THEOLOGY IN THE TEXTS OF M.V. LOMONOSOV, A.S. PUSHKIN AND M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Ilya Yu. Rogotnev

Perm State University, Perm, Russia, rogotnev05@mail.ru

Abstract. In the present work, the literary texts of M.V. Lomonosov, A.S. Pushkin and M.E. Saltykov are considered as statements of a political and theological nature. The concept of “political theology” is interpreted within the framework of the tradition laid down by the texts of Carl Schmitt – as an open problem, in the view from which political phenomena reveal religious implications. The political theology of Lomonosov, Pushkin and Saltykov unfolds in the field of questions that were posed by Thomas Hobbes in the treatise “Leviathan”. Lomonosov's spiritual and panegyric texts construct an absolutist paradigm, in which the condition for good and order is not only the recognition of a political sovereign, but also awe of divine power. Pushkin in *The Bronze Horseman* refers to the dark, infernal underside of the state order. Saltykov-Shchedrin implements a large complex of motives of political philosophy, creating the image of the Antichrist as the theological basis of political reality. In the works of Russian writers, the power falls upon the willful mind of the subject, saving people from their own folly. The archetypal figure of the sovereign invariably appears in Russian political theology as Peter the Great. Lomonosov, Pushkin and Saltykov actualize the theological aspect in the ideological problems of Leviathan. At the same time, if Lomonosov establishes the interaction of the sovereign as an earthly god with Immortal God, then Pushkin thinks of civil power in conflict with God the Creator, and Saltykov makes the earthly king a representative of Satan. From Lomonosov to Saltykov, not only the infernal nature of the *Leviathan-as-state* increases, but also the cognitive shortcomings of the subject, which the construction of absolute power is called upon to compensate for. The political theologies of Russian authors are considered in the article not as dynamic moments in the evolution of Russian political thought, but as different variants of the implementation of the political and theological theme, given by the structure of Hobbesian ideological issues.

Keywords: political theology, *Leviathan*, *Book of Job*, ideological issues, Russian literature, the power

For citation: Rogotnev I.Yu. Political Theology in the Texts of M.V. Lomonosov, A.S. Pushkin and M.E. Saltykov-Shchedrin. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:92-103. (In Russ.).

Введение

В качестве развернутых предварительных замечаний обратимся к вопросам о содержании понятия *политическая теология* и о прочтении трактата «Левиафан», об идеологической проблематике и богословских смыслах, заключённых в сочинении Гоббса. Понятие *политическая теология* вошло в академический обиход благодаря небольшому сочинению Карла Шмитта «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете» (1922). Учитывая разнообразие толкований интересующего нас термина [Кондуров 2021: 23–40], в том числе его использование при анализе незападных обществ [Ассман 2022; Islamic Political Theology 2021], под политической теологией можно понимать обширное символическое пространство пересечений и взаимодействий политического и теологического дискурсов. К этой области относят и богословские сочинения на политические темы, и практики легитимации власти посредством религиозного символизма, и инструментализацию теологического языка в разного рода политических риториках.

Представляется возможным выделить в рамках столь обширной тематики особое поле интеллектуальных поисков и дискуссий, учреждённое высказываниями К. Шмитта. Последние сыграли роль теоретической провокации, вызова, потребовавшего развернутых философских, исторических, богословских ответов. К. Шмитту удалось заявить о политической теологии как о проблеме одновременно общественной и обществоведческой, как о неразрешённом (и, возможно, неразрешимом) вопросе, области чего-то фундаментально непрояснённого и потому, с одной стороны, постоянно подрывающего секулярную политическую мысль, с другой – чреватого для неё новыми темами и поворотами.

Отметим, что термином *политическая теология* принято обозначать и саму мысль К. Шмитта, этот термин можно употреблять как «точное, единственно соответствующее именование» его (К. Шмитта) учения [Майер 2022: 37]. На наш взгляд, это не отменяет возможности применения в данном поле других методов и учений. Я буду говорить не

столько о политической теологии К. Шмитта, сколько о шмиттианской, то есть учреждённой К. Шмиттом, политической теологии как пространстве интеллектуальных поисков. Мысль немецкого юриста рассматривается здесь именно в этом ключе.

Политическая теология как общественно-обществоведческая проблема была обнаружена К. Шмиттом на границах, на концептуальном контуре политической реальности: «... выходя за пределы совокупности юридических понятий, ориентированных на ближайшие практические интересы правовой жизни, можно обнаружить последнюю, радикально систематическую структуру... Метафизическая картина определённой эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма её политической организации» [Шмитт 2016: 41]. Речь идёт о возможности установления корреляций и/или тождеств между концептами политического сознания и теолого-метафизическими спекуляциями. Сам К. Шмитт, в частности, рассматривает аналогию между чрезвычайным положением как приостановкой регулярного правового режима и религиозным чудом как прямым божественным вмешательством в дела тварного мира. Эта аналогия позаимствована К. Шмиттом у испанского консервативного мыслителя Хуана Доносо Кортеса [Доносо Кортес 2023: 22–23].

Анализ К. Шмитта сосредоточен на ситуации, в которой становится очевидна над-правовая природа суверенной власти. Моменты учреждения, приостановки и отмены права требуют рефлексии на тему политической теологии. Примечательно, что К. Шмитт по большому счёту не предлагает внятных результатов политико-теологической рефлексии – он лишь фокусируется на моменте явленности теологической структуры в структуре политической.

В поздней работе «Политическая теология II. Миф о закрытии любой политической теологии» (1970) К. Шмитт подвергает критике попытку «закрыть» вопрос о политической теологии, осуществлённую Эриком Петерсоном; согласно последнему, в христианском миропонимании политическая теология невозможна вовсе. К. Шмитт, на мой взгляд, стремится сохранить политическую теологию именно как открытый вопрос, как разверзнутый момент противоречия секулярной мысли модерна. Главный пункт Шмиттовых «Политических теологий» (первой и второй) можно интерпретировать как фундаментально многозначное суждение: *политическая теология имеет место*. Причём не ясны до конца (оставлены невыясненными) объём этого тезиса (в какие эпохи? в каких именно обществах?), его модальность (это следует рассматривать как гипотезу или как установленный закон?), его содержание (что такое политическая теология? какое именно место она занимает в общественном порядке?).

Шмиттианский вопрос получает развитие в монографии Эрнста Канторовича «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» (1957). Из этого весьма обширного труда можно, в частности, извлечь следующие выводы. Исследование о «двух телах короля» в целом подтверждает на богатом фактическом материале гипотезу Карла Шмитта о теологических истоках юридического языка: на протяжении всего средневековья и раннего Нового времени юридический дискурс инкорпорирует теологические конструкции. Проясняется тенденция этих светских апроприаций богословия: политико-правовое мышление «опирается» на неизменные и непрерывно существующие мистические фикции, каковыми мыслятся *государство, государь, нация* и их суверенные права. Э. Канторович утверждает, что категория *фикция* в средневековой интеллектуальной традиции лишена отрицательных коннотаций. Апроприация государством символического капитала Церкви, в том числе обретение государством атрибутов мистического тела – *corpusmisticum*, происходит главным образом в эпоху зрелого и позднего Средневековья [Канторович 2015].

Эстафету исследования теологических схем в политической реальности подхватывает философ Джорджо Агамбен. Критикуя экономический подход к человеку и природе, практики управления людьми и вещами как основу современной политики, Дж. Агамбен

обнаруживает истоки этого порядка в теологической мысли. «Экономико-управленческая направленность современных демократий не есть результат случайного стечения обстоятельств: она является неотъемлемой частью теологического наследия, хранилищами которого эти демократии выступают» [Агамбен 2019: 240].

Одним из базовых, направляющих в шмиттианской политической теологии можно считать тезис о забвении, сокрытии теологии в политической культуре модерна, что не отменяет функционирования, так сказать, теологического механизма в ее ядре. Радикальной версией этого тезиса является концепция «капитализма как религии» (идея В. Бенямина, развиваемая Дж. Агамбеном [Агамбен 2021]) – буржуазного строя как некоего культа без догматов, самореферентивной веры, священнодействия без трансцендентного объекта. Якоб Таубес, один из доверенных собеседников К. Шмитта, считает едва ли не важнейшим в первой «Политической теологии» тезис о сокрытии теологического основания западного мира: по его словам, современное государственное право не способно понять себя, поскольку оперирует понятиями, чьи подлинные истоки оказались скрыты – в силу «амнезии» [Taubes 2003: 64].

В итоге «шмиттианское» поле предстает областью штудий вокруг и в свете открытого вопроса, проблемы политической теологии. В этом поле анализируются язык права, феномен государства, капитализм или политико-философские тексты, в частности наследие Томаса Гоббса.

Книгу «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) мы предлагаем рассмотреть на уровне идеологической проблематики – вопросов, задающих структуру и границы идеологического высказывания. «Само познание идеологического поля предполагает познание проблематик, которые формируются в нём и вступают друг с другом в противодействие» [Альтюссер 2006: 103]. Гоббсианскую проблематику можно представить как ряд тесно связанных философских мотивов: 1) несовершенство людей, подверженных страстям и склонных к конкуренции между собой; 2) вытекающее из этого несовершенства опасное «естественное состояние», угрожающее индивидуальному существованию каждого; 3) спасение от «войны всех против всех» благодаря созданию «искусственного человека» («смертного бога», «Левиафана»), то есть Государства, – посредством установления суверенной власти; 4) необходимость полного подчинения подданных суверену как представителю всех и каждого, то есть необходимость «абсолютной» власти; 5) ограниченность могущества Левиафана-государства законами Бога и неприкосновенность догмата *Иисус есть Христос* для всякого христианского суверена.

Учение Т. Гоббса получило множество толкований. Оригинальные подходы к интерпретации «Левиафана» и других политических сочинений английского философа предложены такими авторитетными авторами, как Фердинанд Тённис, Лео Штраус, Квентин Скиннер, Ив Шарль Зарка и другими. Ориентируя свой взгляд на Гоббса в контексте столь влиятельных и при этом разноречивых прочтений, А.Ф. Филиппов предлагает сконцентрироваться на актуальном в гоббсовском наследии: «Если бы Гоббс не создал концепцию общественного договора, не написал о естественном состоянии войны всех против всех, не обосновал исключительные права суверена и не назвал получившуюся конструкцию “Левиафаном”, имя его стояло бы в ряду второстепенных персонажей, чьи идеи представляют интерес лишь для узкого круга специалистов» [Филиппов 2015: 168]. Для наших целей представляет интерес актуализация гоббсианской проблематики в поле политической теологии.

К. Шмитт концентрирует свои исследовательские усилия, в частности, на следующих вопросах: многозначность религиозного символа *Левиафан* и её влияние как на смысловое целое, так и на восприятие философии Т. Гоббса; связь темы «естественного состояния» и «борьбы всех против всех» с религиозными войнами эпохи Реформации (религиозное несогласие как страшнейшая беда, от которой спасает установление Левиафана); внутренний изъян конструкции

гоббсовского Большого Человека в допущении различия между государственной верой и верой частной; догмат *Иисус есть Христос* как необходимый и центральный момент установления абсолютной власти в христианском обществе [Шмитт 2006]. Я. Таубес, вступая в диалог с работами К. Шмитта, делает характерные замечания о «Левиафане»: «[Гоббс] чрезвычайно серьёзен, когда говорит о великом Левиафане, об этом “mortalgod” [смертном боге], коему мы – и это решающий момент – обязаны миром и защитой “under the immortalgod” [под властью бога бессмертного]. Поэтому и всё время возвращающаяся фраза that Jesus is the Christ [что Иисус есть Христос] – вовсе не общее место, а постоянное напоминание. И значит, государственная машина всё же не *perpetuum mobile*, не тысячелетний рейх *sinefine*, она смертна, то есть представляет собой хрупкое равновесие внутреннего и внешнего» [Таубес 2021: 122].

Для русской культуры значение имели не столько предлагаемые Гоббсом концептуальные решения, сколько заявленные им концептуальные темы – идеологическая проблематика, своеобразно интерпретированная русской литературой, причём существенное значение приобретают именно богословские аспекты Гоббсовых вопросов. Мы полагаем, что если публичная политика эпохи модерна в целом характеризуется забвением теологического истока, то литература выступает местом припоминания о нём. Шмиттовские акценты во многом коррелируют с текстами «Русского Левиафана».

Анализ текстов

М.В. Ломоносов, «Ода, выбранная из Иова» (1751)

Ломоносовское переложение глав Книги Иова уже сопоставлялось с политическим трактатом Гоббса, который для русского поэта мог послужить, в том числе опосредованно, источником своеобразной политической метафорики [Кръстева 2007]. Отметим, что политическое прочтение «Оды, выбранной из Иова» не является широко принятым. Так, Ю.М. Лотман связывал обращение Ломоносова к образам Левиафана и Бегемота с борьбой автора – энтузиаста просвещения – против демонологических воззрений, против атмосферы страха перед силами зла [Лотман 1983]. Между прочим, анти-демонологические идеи занимают видное место и у Гоббса.

К. Осповат раскрывает политико-теологические импликации «Оды, выбранной из Иова» [Осповат 2020: 247–297]. Большое значение исследователь придает общности риторических стратегий Гоббса и Ломоносова. «“Ода...” с её грандиозными космологическими картинами предстает актом “возвышенной” риторики, вмещающей своим читателям *принужденное согласие* и обустроивающей их субъективность вокруг принципа покорности» [там же: 276]. «В теориях возвышенного... Ломоносов и его отечественные читатели могли найти риторико-эстетическую парадигму абсолютистского политического мистицизма» [там же: 277].

Божество «Оды...» репрезентирует, таким образом, идею абсолютной власти, не ограниченной земными представлениями о справедливости, а сам Иов – фигуру возроптавшего подданного, в конечном счёте подавленного блеском и грандиозностью порядка. Образ Левиафана должен в этой связи прочитываться не в свете его символических или аллегорических смыслов (будь то отсылка к дьяволу, как у христианских экзегетов, или государству, как у Гоббса), но ввиду производимого им аффекта, как момент «возвышенного» подавления субъекта страхом и трепетом. Левиафан у Ломоносова – не само государство, но монструозный момент порядка, которому подчиняется субъект.

В поэтическом мире Ломоносова обнаруживается и момент явления *земного бога*. В «Надписи 1 к статуе Петра Великого» император назван «*земным божеством*», а благодарные сердца его подданных – «*олтарями*» [Петр I 2006: 186]. В «Надписи 4 к той же» тема получает развитие: Петр сравнивается с древними героями, почитание которых «невежеством веков» возведено в религиозный культ. «Олтарь» перед статуей Петра поэт, однако, считает оправданным: «*Он един от смертных был, / Но в жизнь Его уже за Бога почитали*» [там же:

187]. В панегирических текстах 1750 г. Ломоносов персонифицирует концепцию земного бога: объединяющая подданных лояльность государству превращается в культ государя, но государя конкретного – «премудрого Героя», Петра. На фоне ломоносовских похвальных надписей правомерным представляется и такое прочтение божественной речи в «Оде, выбранной из Иова»: «Голос Бога-Творца “из бури” возможно толковать как голос Царя-Бога-Отца-Творца “новой России”, архитектора “регулярного государства”, Петра Великого» [Крѣстева 2007: 168].

Ломоносов даёт проблематику «Левиафана» в как бы рассредоточенном виде. Прежде всего подавляющий эффект, испытываемый подданным, отделен от фигуры суверена. Явление земного бога обеспечено благодарностью людей «единому от смертных» – одному из них, которого люди добровольно почитают. Подавление ропщущего, то есть проявляющего некоторую неразумную амбицию, индивида всесилием божества отнесено к области «политического мистицизма», оно угадывается в качестве «политической эзотерики» (используем здесь, несколько вольно, термин Лео Штрауса, см.: [Strauss 1980]), заключенной в богословскую оду.

А.С. Пушкин, «Медный всадник» (1833)

В работах А.А. Кара-Мурзы установлена связь последней поэмы Пушкина с политическим трактатом Никколо Макиавелли «Государь» [Кара-Мурза 1995: 64–65; Кара-Мурза 2016]. Идеи флорентийского мыслителя, несомненно, подготавливают поворот к тем вопросам, на которые отвечает «Левиафан». Переключки Пушкина с Гоббсом возникают, на наш взгляд, на уровне идеологической проблематики, источником которой для Пушкина могли послужить размышления над «Государем»; оснований для интертекстуального анализа (в строгом и узком смысле) гоббсианские мотивы в «Медном всаднике» не дают.

Пушкинская поэма является вершинным текстом политической теологии великого поэта. Исходным пунктом её развития можно считать стихотворение «Свободы сеятель пустынный» (1823), где Пушкин горько-иронически интерпретирует притчу Христову о сеятеле: «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их должно резать или стричь. / Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич» [Пушкин 1959: 2/16]. В этих стихах можно слышать начала философии Великого инквизитора (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы») – восприятия рода людского как порочных и слабых в массе своей существ, нуждающихся в пастырях, которые возьмут на себя бремя свободы [Бочаров 2007]. Разочарование в «либеральных» (в определении самого Пушкина) идеалах со временем развернуло поэта лицом к империи. Можно предположить, что в государстве автор оды «Вольность» впоследствии увидел единственного надежного актора прогресса и просвещения.

«Медный всадник» развивает сложившийся в поэтической практике Ломоносова дуализм (светский культ государства на уровне публичной политики – «политический мистицизм» с аффектом священного трепета на уровне теологии), который накладывается на романтическое двоемирие. В дневном мире взору явлен блистательный Петербург – «Петра творенье». Акт государева творчества описан в духе созидания порядка из хаоса («из тьмы лесов, из топи блат» [Пушкин 1959: 3/285]). Здесь не люди создают государство – искусственного «смертного бога» – путем передачи суверену своей естественной свободы, но Герой творит искусственный мир для своих подданных. Автор «Медного всадника» не скупится на выражения благодарности политическому творцу и восторга перед политическим актом творения.

В ночном же мире, открывающемся через безумие персонажа (Евгения), политический демиург представлен в облике грозного божества, которое карает возроптавшего подданного. «И сам поэт, охваченный ужасом перед этой сверхчеловеческой мощью, не умеет ответить себе, кто же это перед ним»; «Это – исполин-чудотворец, полубог, повелевающий стихиями» [Брюсов 1975: 39, 49].

Русская поэзия многократно ассоциировала бронзового Петра с Солнцем, с Аполлоном – Пушкин, напротив, превратил его в царя ночи [Осват, Тименчик 1987: 10–11]. Когда власть становится трансцендентной и одновременно несправедливой, художественный мир начинает тяготеть к гностической метафизике: вселенная предстаёт как концлагерь, созданный злым демиургом. Ср., например: «Пушкин подчёркивает, что Он есть демиург, Творец, покоритель стихий, воплощение Бога на земле. Но этот земной бог отнюдь не благ» [Альтшуллер 2003: 58]. Гностические мотивы встречаем мы и в лирике Пушкина: *«Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?..»* [Пушкин 1959: 2/208] (*«Дар напрасный, дар случайный...»*, 1828).

Образ Петра как божества, которому поставлен в Петербурге кумир, уже известен нам по «Надписям» Ломоносова; была в топике русского классицизма и тенденция оживить статую, проявившаяся в творчестве В.П. Петрова, Г.Р. Державина, Е.И. Кострова и других [Пумпянский 2000: 183]. Пушкинский образ, однако, не просто мифологичен, но эсхатологичен. Политический мистицизм здесь сосредоточен на переживании потенциального конца истории, нового потопы.

Местом учреждения порядка выступает пограничье бездны, предел бытия; Петербург сотворен на рубежах исторического существования. В ночной части поэмы этот предел и даёт о себе знать.

В политико-теологической конструкции Пушкина проступают, в частности, две идеи. Во-первых, «смертный бог», как и у Гоббса, спасает подданных от гибели. Описывая фигуру всадника, поэт дает знаменитую характеристику Петру: *«О мощный властелин судьбы, / Не так ли ты над самой бездной, / На высоте уздой железной / Россию поднял на дыбы?»* [Пушкин 1959: 3/297]. О какой «бездне» идет речь? В тексте поэмы есть образ наводнения, бушующей стихии; в связи с этим топосом можно поразмышлять и о библейском Левиафане как прямой параллели пушкинскому образу Петербурга, всплывающего из вод. Есть, однако, у Петра и социально конкретизированный антагонист – обыватель, человек частной жизни, который возроптал на петровский демиургический замысел. Именно частное, автономное бытие с его амбицией и ропотом должно быть подавлено мощью Левиафана. Здесь пушкинская концепция вполне созвучна политическим аффектам ломоносовского богословия. Во-вторых, Пушкин склонен резко противопоставлять «смертного бога» Богу бессмертному, творца города – творцу мира. *Кумир*, как персонификация имперского духа, наделен чертами зловещими, дьяволическими.

Скрупулезный анализ пушкинской диалектики зла на материале «Медного всадника» представлен в статье И.З. Сермана, который возводит соответствующую поэтическую топику к ломоносовской одописи и её идеологическому контексту – дискуссиям о границах философского оптимизма и о зле в естественном, природном, порядке вещей. «Пушкин, по всему, не разделяет традиционного взгляда на природное бедствие как на “Божий гнев”. В черновиках поэмы есть следы того, что поэт готов был присоединиться к общему мнению <...>, но потом эта мысль ушла из текста» [Серман 2013: 185]. Для меня принципиальна не интенция поэта, но само присутствие вопроса о Божьем гневе в проблематике произведения: Всевышний Бог угадывается в конструкции «Медного всадника» в качестве силы, антагонистичной ночному Петру.

Итак, в пушкинской конструкции проблематика Левиафана реализуется весьма самобытно. Государство учреждается, творится во спасение людей от «бездны», значимым моментом которой выступают приватные, обывательские интересы подданных (на месте гоббсовской «войны всех против всех»). Учреждённое государство отделяет историю от её финала, тьма которого зияет сквозь блеск политического порядка. Само государство при этом находится в напряженных отношениях с христианским Богом: изнанка политического мира скорее inferнальна. Здесь как бы развернут скрытый потенциал заглавного гоббсовского символа – те его противоречивые значения, которые анализировал К. Шмитт.

М.Е. Салтыков, «История одного города» (1869–1870)

В книге Салтыкова проблематика Левиафана представлена с поразительной отчётливостью. Головоотяпы призывают государство, которое необходимо им как внешняя, посторонняя сила – ввиду неразумия подданных, бездны их глупости. Учреждённый порядок регулярно обнаруживает в качестве своего предела «естественное состояние» как хаос безумия и насилия, в который глуповцы проваливаются в моменты безвластия или ослабления власти.

Финальную главу романа («Подтверждение покаяния. Заключение») нетрудно разместить в поле политической теологии. Первая фраза эпизода: «*Он был ужасен*» [Салтыков-Щедрин 1969: 397] – задает эстетическую доминанту финала. Фраза эта, помимо прочего, аллюзивна, она отсылает к «Медному всаднику»: Петр в пушкинской поэме обозначен в первой же фразе таинственным словом *он*.

Параллель «Угрюм-Бурчеев – Петр Великий» уже прослеживалась литературоведами [Головина 1997: 38; Алякринская 2009 и другие.]: строитель нового города с геометрически прозрачным генпланом, мечтающий о собственном флоте, вступивший в противостояние с рекой, запомнившийся глуповцам с топором в руке, – Угрюм-Бурчеев имеет с первым российским императором не меньше общих черт, чем с графом Аракчеевым, с которым салтыковского персонажа традиционно сравнивают.

Отмечу моменты салтыковского политического мистицизма.

– Является «идиот» (Угрюм-Бурчеев) в разгар оккультных радений, которыми увлекся предыдущий градоначальник Грустилов, – является словно ответ на ритуальный зов.

– Слова Угрюм-Бурчеева: «*Идет некто за мной... который будет еще ужаснее меня*» [Салтыков-Щедрин 1969: 397] – по духу своему апокалиптически, «по букве» же они инвертируют слова Иоанна Предтечи: «*Идущий за мною стал впереди меня*» (Ин 1:15); таким образом, градоначальник объявляет о себе как о предтече антихриста / сатаны.

– Возможно, это позволит прояснить образ *Оно* в финале «Истории одного города», при приближении которого гудят колокола, меркнет солнце, «время останавливало бег» [там же: 423]; примечательно, что Угрюм-Бурчеев ожидает конец света без трепета и даже с некоторым ликованием: «*В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнес: – Придет...*» [там же: 423]. Сам «прохвост» не гибнет, но таинственным образом исчезает.

Как и в «Медном всаднике», в салтыковской «Истории» творец города сталкивается с творцом мира. Угрюм-Бурчеев, услышав шум реки, произносит вполне теологическую фразу: «*Кто тут?*»; повествователь же отмечает: «*тут встали лицом к лицу два бреда*» [там же: 408].

Возникает впечатление, что с концом истории у Салтыкова связана религиозная надежда. Гнёт Левиафана и «бездна» людской глупости равно отвратительны писателю. В какой-то момент Политическое, явленное как гротескный антагонизм между народом и властью, превышает свою меру. «*История превратила течение свое*» [там же: 423].

Отмечу, что политико-теологический поворот в сатире Салтыкова неожидан, как бы не подготовлен развитием салтыковского стиля. Между тем, к теологической проблематике Салтыков обратится в цикле «Сказки», куда вошли рождественский и пасхальный рассказы – соответственно, «Рождественская сказка» и «Христова ночь» (1886). В первом Христос дарует мальчику смерть как избавление от несправедливости мира, во втором Спаситель – в качестве высшей религиозной кары – отнимает смерть у Иуды. Переходя от богословия на тему антихриста к политической христологии, Салтыков по-прежнему сосредоточен на смерти как предмете религиозной надежды.

Выводы

Политическая теология обнаруживается в поэтическом воображении, когда последнее выходит к пределам Политического – концептуальным (основы государственной конструкции) и онтологическим (учреждение и гибель политического порядка). Ломоносов воображает благодарное обожествление смертного человека как момент явления суверена, однако от Бога бессмертного дарован необходимый абсолютистскому государству аффект трепета, на котором строится политическая покорность субъектов. Пушкин мыслит государство в облике блистающего города, в изнанке которого – момент необходимого зла, противоречия христианскому милосердному Богу. Салтыков видит учреждение государства как аппарата насилия, сдерживающего «естественное» безумие подданных, при этом политическая власть становится представителем не Бога, но его антагониста (сатаны), который и является в этом месте в конце истории, – суверен истолкован как местоблюститель антихриста.

Корпусу «русского Левиафана» свойственны характерные модификации гоббсовской проблематики. Во-первых, образ суверена имеет своим архетипом фигуру конкретного правителя – императора Петра Великого. Во-вторых, русская литература развивает периферийный (либо же политико-эзотерический, в терминах Л. Штрауса) смысл гоббсовского символа: для Ломоносова выход власти за рамки земных понятий о справедливости есть допустимый момент, требуемый конструкцией абсолютизма; у Пушкина момент зла становится необходимым в функционировании империи; у Салтыкова тот же момент становится для государственной жизни определяющим. В-третьих, объектом подавления со стороны Левиафана – у Гоббса эту позицию занимает «естественная» «война всех против всех» – выступают у русских литераторов некие когнитивные свойства или когнитивные акты подданных: от неразумного ропота у Ломоносова до коллективного безумия / слабоумия у Салтыкова. Власть активно воздействует именно на ту область, которую К. Шмитт считал наиболее уязвимым моментом в абсолютистской концепции Гоббса.

В каждом из трех намеченных аспектов можно различить некоторую динамическую тенденцию при развитии идеологической проблематики от Ломоносова к Салтыкову. Схематически эту динамику можно представить как концептуальную диспозицию Ломоносова – Пушкина – Салтыкова, теологические конструкции которых можно противопоставить по трём критериям: 1) образ суверена: *земное божество* – (зловещий) *кумир* – *сатана*; 2) момент зла в Левиафане: допустимый – необходимый – основной; 3) подлежащий подавлению когнитивный недостаток: неразумный ропот – обывательское сознание – массовая глупость.

Я, однако, не склонен рассматривать эту динамику в перспективе эволюции русской политической теологии. Представляется более продуктивной интерпретация данной диспозиции как трёх конституирующих точек концептуальной оси. Если политическая теология есть вопрос, открывающий особое пространство мысли, то наши выводы о «русском Левиафане» можно представить как реконструкцию одного из измерений этого пространства. На положительном полюсе оказывается панегирист Ломоносов как энтузиаст абсолютизма. На отрицательном – сатирик Салтыков, не чуждый нигилизму, анархизму и эсхатологии. «Золотой серединой», как и положено «солнцу русской поэзии», остаётся Пушкин, неустанно ищущий меру пессимизма и оптимизма в историческом мышлении.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Капитализм как религия / пер. с ит. Н. Охотина // Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / под ред. М. Лепиловой. М.: Гилея, 2021. С. 123–143.

2. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с ит. Д.С. Фарафоновой (гл. 1–8), Е.В. Смагиной (приложение); под науч. ред. Д.Е. Раскова, А.А. Погребняка, Д.С. Фарафоновой. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
3. Альтшуллер М. Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с.
4. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.
5. Алякринская М.А. К проблеме исторического сознания М.Е. Салтыкова-Щедрина // История и культура. 2009. № 7. С. 181–189.
6. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. А. Лагурева. СПб.: Владимир Даль, 2022. 182 с.
7. Бочаров С.Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор // Филологические сюжеты М.: Языки славянских культур, 2007. С. 233–262.
8. Брюсов В.Я. Медный всадник // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Художественная литература, 1975. С. 30–61.
9. Головина Т.Н. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: Литературные параллели: Учебное пособие. Иваново, 1997. 76 с.
10. Доносо Кортес Х. Речь о диктатуре / пер. с испанского А.В. Марья. СПб.: Владимир Даль, 2023. 196 с.
11. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / пер. с англ. М.А. Бойцова, А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
12. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 211 с.
13. Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.
14. Кондуков В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование: дисс. ... к. ю. н. СПб., 2021. 442 с.
15. Кръстева Д. Зверь/Бегемот и Змий/Левиафан в «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова (о политических аллегориях в системе абсолютизма и русской литературе XVIII века) // Реката на времето. Сборник статии в памет на проф. Людмила Боева (1934–2001) / Съставители А. Вачева, И. Чекова. София, 2007. С. 163–173.
16. Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 253–262.
17. Майер Г. Что такое политическая теология? Вводные замечания относительно одного спорного понятия // Ассман Ян. Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. А. Лагурева. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 29–49.
18. Осоват А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальну повесть сохранить...» Об авторе и читателях «Медного всадника». Изд. 2, перераб. и доп. М.: Книга, 1987. 352 с.
19. Осоват К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
20. Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии) / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. С.И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. 450 с.
21. Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Он же. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков; Сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 158–196.
22. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962.
23. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Он же. Собрание сочинений в 20 т. Том 8. М.: Художественная литература, 1969. С. 263–433.
24. Серман И.З. Тема зла в «Медном всаднике» // Он же. Свободные размышления: Воспоминания. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 177–189.
25. Таубес Я. AdCarlSchmitt. Сопряжение противостремительного / пер. с нем. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2021. 190 с.

26. Филиппов А.Ф. Актуальность философии Томаса Гоббса // Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 2. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 156–196.
27. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
28. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
29. Islamic Political Theology / ed. by Massimo Campanini and Marco Di Donato. New York; London: Lexington Books, 2021. 192 p.
30. Strauss L. Persucution and the Art of Writing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 204 p.
31. Taubes Jacob. The Political Theology of Paul / translated by Dana Hollander. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 184 p.

References

1. Agamben Dzh. Kapitalizm kak religiya [Capitalism as a religion]. *Tvorenie i anarkhiya. Proizvedenie v epokhu kapitalisticheskoi religii*. Moscow, Gileya, 2021, pp. 123-143. (In Russ.).
2. Agamben Dzh. Tsarstvo i Slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow, Saint Petersburg, Izd-vo Instituta Gaidara, Fakultet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2019, 552 p. (In Russ.).
3. Al'tshuller, M. Mezhdru dvukh tsarei: Pushkin v 1824-1836 gg. [Between Two Tsars: Pushkin in 1824-1836.]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2003, 354 p. (In Russ.).
4. Al'tyusser L. Za Marksa [For Marx]. Moscow, Praksis, 2006, 392 p. (In Russ.).
5. Alyakrinskaya M.A. K probleme istoricheskogo soznaniya M.E. Saltykova-Shchedrina [On the problem of historical consciousness M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Istoriya i kul'tura*. 2009, no. 7, pp. 181-189. (In Russ.).
6. Assman Ya. Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem [Political theology between Egypt and Israel]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2022, 182 p. (In Russ.).
7. Bocharov S.G. Pustynnyi seyatel' i velikii inkvizitor [Desert Sower and Grand Inquisitor]. *Filologicheskie syuzhety*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, pp. 233-262. (In Russ.).
8. Bryusov V.Ya. Mednyi vsadnik [Bronze Horseman]. *Sobranie sochinenii*. Vol. 7, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 30-61. (In Russ.).
9. Golovina T.N. «Istoriya odnogo goroda» M.E. Saltykova-Shchedrina: Literaturnye paralleli ["History of one city" M.E. Saltykov-Shchedrin: Literary Parallels]. Ivanovo, 1997, 76 p. (In Russ.).
10. Donoso Kortes Kh. Rech' o diktature [Talk about dictatorship]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2023, 196 p. (In Russ.).
11. Kantorovich E.Kh. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoii politicheskoi teologii [The two bodies of the king. Study in Medieval Political Theology]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 752 p. (In Russ.).
12. Kara-Murza A.A. «Novoe varvarstvo» kak problema rossiiskoi tsivilizatsii ["New barbarity" as a problem of Russian civilization]. Moscow, IF RAN, 1995, 211 p. (In Russ.).
13. Kara-Murza A.A. Poema «Mednyi vsadnik» A.S. Pushkina: politiko-filosofskie proektsii [The poem "The Bronze Horseman" by A.S. Pushkin: political and philosophical projections]. *Filosofskii zhurnal*. 2016, vol. 9, no. 2, pp. 54-65. (In Russ.).
14. Kondurov V.E. Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: teoretiko-pravovoe issledovanie [The political theology of Carl Schmitt: a theoretical and legal study]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2021, 442 p. (In Russ.).
15. Kr'steva D. Zver'/Begemot i Zmii/Leviafan v «Ode, vybrannoi iz Iova» M.V. Lomonosova (o politicheskikh allegoriyakh v sisteme absolyutizma i russkoi literature XVIII veka) [Beast/Behemoth and Serpent/Leviathan in "Ode Chosen from Job" by M.V. Lomonosov (about political allegories in the system of absolutism and Russian literature of the 18th century)]. *Rekata na vremeto. Sbornik statii v pamet na prof. Lyudmila Boeva (1934-2001)*. 2007, pp. 163-173. (In Russ.).
16. Lotman Yu.M. Ob «Ode, vybrannoi iz Iova» Lomonosova [About Lomonosov's "Ode Chosen from Job"]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1983, vol. 42, no. 3, pp. 253-262. (In Russ.).
17. Maier G. Chto takoe politicheskaya teologiya? Vvodnye zamechaniya otnositel'no odnogo spornogo ponyatiya [What is political theology? Introductory remarks on a controversial concept]. *Assman Yan. Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem*. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2022, pp. 29-49. (In Russ.).

18. Ospovat A.L., Timenchik R.D. «Pechal'nu povest' sokhranit'...» Ob avtore i chitatatelyakh «Mednogo vsadnika» [“It’s a sad story to keep...” About the author and readers of The Bronze Horseman]. Moscow, Kniga, 1987, 352 p. (In Russ.).
19. Ospovat K. Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktzii absolyutizma v Rossii serediny XVIII veka [Court Literature: Institute of Literature and Construction of Absolutism in Russia in the Middle of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 480 p. (In Russ.).
20. Petr I v russkoi literature XVIII veka. (Teksty i kommentarii) [Peter I in Russian literature of the 18th century. (Texts and comments)]. Saint Petersburg, Nauka, 2006, 450 p. (In Russ.).
21. Pumpyanskii L.V. «Mednyi vsadnik» i poeticheskaya traditsiya XVIII veka [The Bronze Horseman and the Poetic Tradition of the 18th Century]. *On zhe. Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000, pp. 158-196. (In Russ.).
22. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v desyati tomakh [Collected works in ten volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959-1962. (In Russ.).
23. Saltykov-Shchedrin M.E. Istoriya odnogo goroda [History of one city]. *On zhe. Sobranie sochinenii v 20 t.* Vol. 8, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1969, pp. 263-433. (In Russ.).
24. Serman I.Z. Tema zla v «Mednom vsadnike» [The theme of evil in The Bronze Horseman]. *On zhe. Svobodnye razmyshleniya: Vospominaniya. Stat'i*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, pp. 177-189. (In Russ.).
25. Taubes Ya. AdCarlSchmitt. Sopryazhenie protivostremitel'nogo [Conjugation of the anti-rapid]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021, 190 p. (In Russ.).
26. Filippov A.F. Aktual'nost' filosofii Tomasa Gobbsa [The relevance of the philosophy of Thomas Hobbes]. *Filippov A.F. Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy*. Vol. 2, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2015, pp. 156-196. (In Russ.).
27. Shmitt K. Levian v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa. Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simvola [Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes. The meaning and fiasco of one political symbol]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 300 p. (In Russ.).
28. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [political theology. Four Chapters on the Doctrine of Sovereignty]. *Shmitt K. Ponyatie politicheskogo*. Saint Petersburg, Nauka, 2016, pp. 5-59. (In Russ.).
29. Islamic Political Theology / ed. by Massimo Campanini and Marco Di Donato. New York; London: Lexington Books, 2021. 192 p.
30. Strauss L. Persucution and the Art of Writing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 204 p.
31. Taubes Jacob. The Political Theology of Paul / translated by Dana Hollander. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 184 p.

Информация об авторе

И.Ю. Роготнев – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.Yu. Rogotnev – Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Department of Russian Literature,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 20.05.2023.